

Чжоу Шэн умер.

Но он снова ожил.

Этого он никак не ожидал.

Раннее утро в санатории, солнце еще не припекало. Свет пробивался сквозь оконное стекло на четвертом этаже, пронизывал маленький горшок с зеленью на подоконнике и ложился на прозрачный стакан с остатками воды, стоявший на тумбочке.

Чжоу Шэн открыл глаза во второй раз.

Глядя на множество незнакомых и сложных медицинских приборов вокруг, Чжоу Шэн не мог отделаться от мысли, что все еще видит сон. Сон о пересечении времен и пространств, о жизни, смерти и вселении духа в чужое тело.

До его слуха донеслись приглушенные голоса медсестер, приближавшихся к палате.

— Он правда очнулся? Почти год прошел, я уж думала, не выкарабкается.

— А как еще назвать это, если не чудом?

— И то верно. Обычный человек после такого взрыва давно бы сдался. Хорошо еще, что семья богатая, вот и тянули его целый год. Удивительно, что вообще пришел в себя, видать, судьба такая.

— Какая там судьба? Ты хоть раз видела, чтобы за этот год его кто-нибудь навестил?

В этот момент дверь палаты отворилась. Врач вошел последним — тот самый, что был вчера. В медицинской маске, с мягкими интонациями, он спросил:

— Господин Чжоу, как вы отдохнули этой ночью?

Получив в ответ едва заметный кивок, врач средних лет слегка улыбнулся. Сегодня с Чжоу Шэна сняли большую часть трубок, обнажив изможденное после года лежания в больнице тело и лицо, которое, несмотря на правильные черты, сейчас казалось пугающе бледным и нездоровым.

Год назад тот случайный взрыв в торговом центре Юйцзинь в центре города привел к многочисленным жертвам. Этот молодой пациент, которого взрывной волной выбросило из окна, получил тяжелые повреждения внутренних органов и перенес четыре операции. В глазах врачей само то, что он выжил, уже было невероятным везением. А то, что он пришел в сознание — и вовсе чудо из чудес.

Врач обменялся взглядами с двумя коллегами и задал тот же вопрос, что и вчера:

— Удалось ли вам сегодня вспомнить, что произошло перед тем, как вы потеряли сознание? Любая мелочь может помочь.

Если присмотреться, можно было заметить, что врач заметно нервничал. Когда пациент выдержал паузу в пару секунд и произнес: «Простите, голова немного болит, не припомню», — врачи дружно выдохнули.

Хотя с момента пробуждения вчера этот пациент вел себя странно — особенно его взгляд, ясный и решительный, — в нем не было ни тени той апатии и помраченности, что свойственна долго болеющим людям. Глядя на его тело, которое с трудом могло даже просто сесть, врачи испытывали странный дискомфорт. Но, в конце концов, амнезия — это куда лучше, чем психические расстройства.

Они переглянулись и заговорили вполголоса:

— Судя по всему, ничего критичного, травма головы все-таки была.

— Да, кратковременная потеря памяти — это нормально.

— Понаблюдаем еще пару дней.

Чжоу Шэн слушал их разговоры и чувствовал движения медсестер, проводящих осмотр. Он смотрел в потолок, сохраняя полное спокойствие.

Он не забыл. Он помнил все до мельчайших подробностей.

Зима 1945 года, 23 декабря. Юйчэн пережил вторую, небывалую по масштабам бомбардировку. Он помнил разрушенные стены, выжженную землю, гул кружащих над головой бомбардировщиков и крики людей, пытающихся спастись. Это была картина апокалипсиса, где не было места надежде на завтрашний день.

Просто теперь он не станет, как вчера сразу после пробуждения, отчаянно спрашивать, сколько людей выжило и сколько ушло из жизни. Потому что он быстро понял: это не тот мир, который он знал.

Здесь люди не понимали, о чем он говорит, их пугала настойчивость и лихорадочность умирающего пациента, они даже пытались вколоть ему успокоительное. К тому же, в мире, где он оказался, не было таких современных и чистых больниц, не было спокойных, методичных медиков. На следующий день после бомбардировки Юйчэна больницы и временные лагеря были переполнены, повсюду слышались стоны, а жизнь и смерть отделяло лишь мгновение.

А нынешний Чжоу Шэн — это тот самый человек, о котором судачат окружающие: попал в аварию и едва не остался в вечном забвении. Это тело было невероятно тяжелым, в первый раз он не продержался и десяти минут, прежде чем снова провалиться в сон.

Открыв глаза во второй раз, Чжоу Шэн решил хранить молчание. Хотя предки Чжоу были знатным родом еще в конце династии Цин, сам он родился в смутные времена и видел взлеты и падения семьи. В семнадцать лет уехал учиться за границу, в двадцать вернулся. Для тех, кто, подобно ему, всю жизнь занимался скрытной работой, осторожность и молчание в незнакомой и неопределенной обстановке были инстинктом.

Но Чжоу Шэн прекрасно понимал: здесь ему ничего не угрожает. Стоило повернуть голову, как за окном открывалось лазурное небо. Слышалось звонкое пение птиц, а в воздухе, помимо больничного запаха антисептиков, разливался свежий аромат неведомых цветов. Разговоры людей внизу, оснащение палаты, сочувствие и любопытство персонала — все это говорило об одном: здесь нет жестокой войны, нет бессмысленного кровопролития.

И он больше не тот Чжоу Шэн.

— Господин Чжоу? Господин Чжоу?

Врач вернул его к реальности.

— Сейчас для вас главное — покой, — сказал он. — Вы молоды, организм крепкий, при должном уходе, кроме возможной слабости иммунной системы, вы ничем не будете отличаться от обычного человека.

В голосе врача звучали ободрение и утешение, каждое слово было призвано внушить надежду. Никто из них не знал, какие психологические метаморфозы пережил человек, лежащий на этой койке, и что для него значило просто остаться в живых.

В то же самое время. Аэропорт Ланьчэна.

Толпа, окружившая выход из терминала, вынудила службу безопасности вмешаться, чтобы поддерживать порядок. На часах было девять утра, когда из дверей показалась группа из семи-восьми человек.

Впереди шел мужчина в повседневной одежде, в бейсболке и черной маске, низко опустив голову, так что лицо почти полностью скрывалось в тени. Однако его высокий рост и статная фигура были слишком приметны, и, как только он появился, толпа с визгом хлынула к нему.

Члены команды поспешили преградить путь. Ассистентка Чэнь Дэн Дэн, прижимая к груди большую черную сумку, чуть не плакала от давки. Она, едва удерживаясь на ногах, пробормотала визажисту:

— Информацию о рейсе в Ланьчэн снова слили. Если бы мы не узнали об этом только после

приземления, мы бы не оказались в такой ловушке.

Мужчина-визажист Шуай Шуай дернул ее за руку и, кивнув в сторону шедшего впереди человека, приподнял бровь:

— Ты не знаешь, сколько стоит одна новость о твоём боссе? Такие стервятники всегда найдут лазейку, привыкай.

Группе с трудом удалось выбраться из толпы и добраться до подземной парковки, но часть фанатов и назойливых репортеров увязалась следом. Когда они уже были у машины, один из журналистов начал задавать все более резкие вопросы:

— Господин Чу, правда ли, что во время съемок фильма у вас возник конфликт с режиссером? Ответьте прямо! Говорят, причина в другом актере? Это ведь правда? Есть ли у вас с ним некие тайные отношения?

Лица команды Чу Циньбай помрачнели.

Чу Циньбай ворвался в индустрию в семнадцать лет, собрав все главные кинонаграды страны, и очень быстро достиг вершины. Но слухи вокруг его персоны не утихали никогда. А подобные сплетни, особенно намекающие на связи с мужчинами, он ненавидел больше всего.

Все увидели, как он остановился, уже собираясь сесть в машину. Не дожидаясь, пока команда успеет его остановить, он обернулся, снял маску, явив миру свое лицо с четкими, резкими чертами.

Уголок его рта дернулся, и он холодно бросил:

— Не твоё собачье дело.

Лицо журналиста побагровело. Если кто и славился в индустрии скверным характером, так это Чу Циньбай. Драки, грубость, оскорбления репортеров, пренебрежение к слабым партнерам по площадке — список его грехов был бесконечен. Но великие режиссеры все равно жаждали с ним работать, а фанаты скупали билеты на его фильмы. Он был независим, профессионален и редко появлялся на публике вне съемок. Его либо обожали, либо ненавидели всей душой. Это делало его еще более дерзким и своенравным.

Журналист прикусил язык, не осмелившись огрызнуться.

Чу Циньбай обвел взглядом толпу, заметил нескольких студентов, нахмурился и сказал:

— Идите по домам.

Кто-то из давних фанатов хихикнул:

— Босс, когда фильм выходит?

— В следующем году, — ответил он.

— Есть планы на съемки во второй половине года? — спросили из толпы.

Чу Циньбай снова натянул маску:

— Пока не решил.

— Брат, найди себе уже кого-нибудь, — не унимались фанаты. — Тебе скоро тридцать, хватит давать СМИ повод для сплетен о твоей личной жизни.

Чу Циньбай уже сидел в машине, глядя на них через приоткрытое окно.

— Вы все уже совершеннолетние? — постучал он пальцем по дверце. — Сдали экзамены на отлично? Нашли работу или вторую половинку? Не лезьте не в свое дело, занимайтесь своей жизнью.

Фанаты, привыкшие к его язвительности, лишь закатили глаза:

— Тебе доставляет удовольствие тыкать нас в наши же проблемы?

— Идите домой, — отрезал Чу Циньбай. — Еще шаг за мной — и я с вами церемониться не буду.

Он с грохотом захлопнул дверь, и машина медленно отъехала от аэропорта.

В салоне Чэнь Дэн Дэн, сидевшая рядом с Чу Циньбаем, несколько раз оглянулась назад. Убедившись, что за ними никто не едет, она наконец выдохнула и села ровно.

Девушка из отдела продвижения, сидевшая напротив, усмехнулась:

— Дэн Дэн, ты работаешь с братом Чу уже год и до сих пор не знаешь? Если он предупредил — никто не рискнет преследовать его машину.

Чэнь Дэн Дэн крепче сжала сумку:

— Если тот репортер что-нибудь наплетет, сестра Фань снова меня съест.

Прежний ассистент Чу Циньбая ушел в декрет, и Чэнь Дэн Дэн наняли год назад. Ей казалось, что работа на Чу Циньбая сокращает ее жизнь на годы. Хотя студия Чу Циньбая была приписана к компании Шэн Кай, он сам был владельцем и не любил вникать в дела, переложив

все на плечи агента — сестры Фань. А сестра Фань была женщиной властной, и Чэнь Дэн Дэн часто попадало от нее.

Только она об этом подумала, как зазвонил ее телефон — это была сестра Фань. Девушка вздрогнула и дрожащими руками ответила:

— Сестра Фань...

— Где Чу Циньбай?

Чэнь Дэн Дэн покосилась на человека рядом, который закрыл глаза, пытаясь отдохнуть:

— Рядом со мной.

— Дай ему трубку!

Не успела она протянуть телефон, как Чу Циньбай сам забрал его. Голос его звучал лениво и устало:

— Что случилось?

— Ты каждый день ищешь приключений на свою голову? — голос сестры Фань, даже без громкой связи, был слышен всем в салоне. — Почему ты хамил в аэропорту?

— Ты называешь это хамством?

— Чу Циньбай, ты смерти моей хочешь? Ты хоть знаешь, сколько я трачу на пиар из-за твоих выходов?

— Я переведу тебе деньги.

— Отвали.

Сестра Фань выдохнула, пытаясь успокоиться:

— Что у тебя с Жэнь Цисюанем? Три месяца съемок все было тихо, а как только закончили — сразу скандал?

Чу Циньбай начал раздражаться:

— Ты сказала, что проект нельзя отменить, я снялся. Режиссер тот еще тип, ты сама знаешь. На банкете он пытался насильно напоить людей, я просто вмешался. Вот и все, откуда взялись эти слухи — понятия не имею.

Сестра Фань помолчала пару секунд:

— Раз ничего серьезного, я разберусь.

— Тогда я вешаю трубку.

— Пстой! — окликнула она его. — Звонили из больницы, сказали, Чжоу Шэн очнулся.

Чу Циньбай нахмурился. Не потому, что его это волновало, а потому, что ему потребовалось время, чтобы вспомнить, кто это такой. Он откинулся на спинку сиденья и небрежно бросил:

— Он что, все еще жив?

Сестра Фань, казалось, потеряла дар речи от такого вопроса.

— Я знаю, что он вляпался в ту историю в торговом центре, когда шлся там с какой-то компанией. Но напоминаю: этот человек — твоя законная вторая половина, с печатями и подписями.

Чэнь Дэн Дэн рядом застыла. Ее босс... женат? А остальные ведут себя так, будто это в порядке вещей. Как новичок, она решила молчать, хотя лицо ее стало каменным.

Чу Циньбай продолжал:

— Ну и что? Год платил за него десятки тысяч, я хоть слово сказал?

— Дело не в деньгах. Я к тому, что раз он очнулся, с его характером он может натворить бед. Твой брак ни в коем случае не должен стать достоянием общественности.

Чу Циньбай закинул ногу на ногу, глядя на высотки Ланьчэна за окном:

— Оставь свои стандарты Шэн Кай при себе.

Сестра Фань не унималась:

— Если бы ты нашел кого-то под стать себе, я была бы рада, если бы ты объявил об этом. А кто такой Чжоу Шэн? Если бы не связи семьи Чжоу, он был бы обычным уличным хулиганом, который только и делает, что нарушает закон. Я поражаюсь твоей глупости: жениться на ком попало, даже не разобравшись, человек это или демон.

Чу Циньбай попытался вспомнить Чжоу Шэна, но в голове возник лишь расплывчатый образ парня с крашеными желтыми волосами, в нелепой одежде, чье лицо даже не отложилось в памяти. С именем Чжоу Шэна у него ассоциировались только слова: «беспольный мажор», «пьяный дебошир», «трусливый наглец». Вполне соответствовало его стандартам выбора партнера.

Сестра Фань подытожила:

— В общем, следи, чтобы он не наделал проблем.

Чу Циньбай ответил холодным тоном:

— Не посмеет.

<http://bllate.org/book/19123/1878021>